

На правах рукописи

УДК 1(091)

Русаков Сергей Сергеевич

**РЕКОНСТРУКЦИЯ КОНЦЕПЦИИ СУБЪЕКТА И
СУБЪЕКТИВАЦИИ: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ
АНАЛИЗ**

Специальность 5.7.2. История философии
(философские науки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук

Санкт-Петербург

2026

Работа выполнена на кафедре философии Института философии человека ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена».

Научный консультант:

Арефьев Михаил Анатольевич

Доктор философских наук, профессор, исполняющий обязанности заведующего кафедрой истории, философии и социальной работы государственного автономного образовательного учреждения высшего образования Ленинградской области «Гатчинский государственный университет».

Официальные оппоненты:

Кравченко Владимир Иосифович

Доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории и философии федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения».

Круглова Инна Николаевна

Доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Красноярский государственный аграрный университет».

Осипов Игорь Дмитриевич

Доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории философии федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет».

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения»

Защита состоится «19» июня 2026 года в 15.00 на заседании Диссертационного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук 33.2.018.04, созданного на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена» по адресу: 197046, г. Санкт-Петербург, Малая Посадская ул., д. 26, ауд. 317.

С диссертацией можно ознакомиться в Фундаментальной библиотеке Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена по адресу: 191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48, корп. 5 и на сайте университета по адресу: https://dissert.herzen.spb.ru/Preview/Vlojenia/000001212_Disser.pdf

Автореферат разослан « » марта 2026 года

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат философских наук

Иванов Евгений Александрович

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования

Стратегия развития науки, мировоззрение, политическая сфера и технический прогресс западной цивилизации выстраиваются вокруг идей антропоцентризма, становясь предметом истории философии. В наше время историко-философские исследования не только опираются на накопленный историко-теоретический опыт, но и активно осуществляют теоретическую реконструкцию идей прошлых веков. Одной из наиболее значимых дискуссий внутри философского дискурса был и остается вопрос о человеке и вопрос о субъекте. Первоначально концепцию субъекта в XVII веке предложил Р. Декарт, однако в его время процесс обмирщения духовной сферы не был отчетливо выражен. В XVIII веке кантианский «вопрос о человеке» усилил понимание субъекта как автономной личности, а «коперниканская революция» поставила человека в центр философских дискуссий. Начиная с эпохи Просвещения и по настоящее время человечество прошло через череду различных кризисов, что нашло отражение в парадигмах различных исторических эпох. В XIX веке передовыми мыслителями, которые активно пытались разрешить проблему человеческого Я в рамках устоявшейся концепции субъекта были О. Конт, Г. Спенсер, а позднее К. Маркс, Э. Дюркгейм, М. Вебер, Г. Зиммель, З. Фрейд и др. Однако в XX веке, несмотря на усилия интеллектуалов, духовный кризис западного общества привел к двум мировым войнам, появлению идеологии фашизма с его античеловеческой практикой, а в последствие и к Холодной войне, которая разделила мир на два лагеря.

Классический декартовский субъект во многом привел к современному кризису осмысления человека. Несмотря на серьезную критику в XIX и XX веках, сложившаяся концепция оставалась доминирующей на протяжении 400 лет, но не сумела решить современные социокультурных проблемы. В наше время, актуальной проблемой общества и философской критики продолжает оставаться человек, который, провозгласив себя субъектом, не только не смог стать господином окружающего его мира, но и пребывает в глубоком духовном кризисе, отражающемся во многих сферах человеческой жизнедеятельности, оставляя человека в состоянии перманентного когнитивного диссонанса и тревожности. Все это в значительной мере обуславливает внимание исследователей к актуальному вопросу о сущности и содержании человеческой субъектности как выражении внутреннего мира человека, его духовности и тех мотивов, которые определяют смысл поведения личности.

В разрез сложившимся философским направлениям М. Фуко и другие французские представители постмодерна, опираясь на анализ античных и раннехристианских духовных практик «культуры себя», разрабатывали оригинальную концепцию субъективации, которую можно было бы противопоставить сложившейся в западноевропейском дискурсе концепции

субъекта. Предложенная историко-философская концепция и само понятие субъективации является актуальной не только потому, что может стать дополнением к существующей концепции субъекта, но и претендует на формирование новой трактовки истории субъективности. Несмотря на различные оценки его философского творчества, реконструкция концепции субъективации может стать одним из вариантов теоретического преодоления указанных выше актуальных проблем. В современном философском дискурсе о значительном исследовательском интересе к его идеям свидетельствует то, что по уровню цитирования в последние десятилетия он занимает одно из первых мест среди мыслителей гуманитарного направления. В посмертные десятилетия международное научное сообщество признало универсальность и широкую востребованность его идей, что подчеркивает актуальность в их осмыслении.

В России также отмечается рост количества защищаемых диссертаций и публикуемых статей, посвящённых проблеме переосмысления идей М. Фуко, однако практически отсутствуют исследования по проблеме соотношения субъекта и субъективации. Лакуны в исследовательском поле отечественной гуманитарной науки обусловлены достаточно поздним включением во многие философские и академические дискурсы зарубежной литературы и отсутствием переводов некоторых работ мыслителя. В случае исследований философского наследия М. Фуко дело осложняется тем, что российское научное сообщество только сейчас начинает вырабатывать системное понимание его концептуальных идей, а в области перевода только сейчас начинает складываться единый концептуальный язык. Таким образом, можно утверждать, что для отечественного философского сообщества анализ идей французского мыслителя, в частности проблема субъекта и субъективации, является актуальным, а данная работа является одним из элементов покрытия образовавшейся лакуны.

Объект и предмет исследования.

Объектом диссертационного исследования является история становления концепций субъекта и субъективации от античности до современности.

Предмет диссертационного исследования составляет анализ и реконструкция историко-философских концепций субъективации и ее соотношение с концепцией субъекта в рамках историко-философского анализа.

Цели и задачи исследования.

Целью диссертации является проведение комплексного историко-философского анализа становления концепции субъекта и субъективации, в рамках которой реализуется системообразующая задача - применение методологии археологического подхода к выявлению элементов концепции субъективации в историко-культурных текстах.

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих **задач исследования:**

1. Определить основные историко-философские аспекты развития концепции субъекта и ее особенности в развитии философского дискурса.
2. Исследовать основные историко-философские аспекты развития концепции субъективации и охарактеризовать ее развитие в философском дискурсе.
3. Выявить специфику применения археологического подхода в вопросе исследования проблемы субъекта и субъективации в рамках историко-философского подхода М. Фуко.
4. Рассмотреть динамику эволюции первых моделей субъективации в эпоху античности.
5. Систематизировать представления о феномене субъективации в контексте философии эллинизма.
6. Выявить особенности концепции субъективации в практиках раннего христианства.
7. Провести сравнительный анализ концепций субъективации в западной монашеской традиции, выявив особенности ее развития.
8. Провести сравнительный анализ концепций субъективации в восточной монашеской традиции, выявив особенности ее развития.
9. Осуществить историко-философский анализ процесса развития концепции субъективации в эпоху Возрождения.
10. Обосновать причины утверждения концепции субъекта в философском дискурсе картезианства и кантианства.
11. Проанализировать основные философские дискуссии вокруг критического восприятия концепции субъекта во второй половине XIX века и раскрыть сущность кризиса концепции субъекта в этом историческом периоде.
12. Истолковать особенности интерпретаций кризиса концепции субъекта в работах представителей экзистенциальной философии.
13. Рассмотреть подходы к пониманию кризиса субъекта в работах представителей неомарксизма.
14. Выявить элементы концепции субъекта и субъективации в полемике представителей постмодерна о путях разрешения кризиса субъекта.

Степень научной разработанности проблемы

Современные философские исследования субъективации в основном развиваются в рамках подхода, предложенного Мишелем Фуко в конце 70-х – начале 80-х годов. В связи с этим, отправной точкой анализа настоящей диссертационной работы являются труды М. Фуко и П. Адо, который также оказал значительное влияние и внес серьезный вклад в разработку понятия субъективации. В первую очередь речь идет о курсах лекций «Герменевтика субъекта»¹, «Управление собой и другими»², «Мужество истины»³,

¹ Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981-1982 году. СПб.:

«Управление живыми»⁴, книг «Воля к истине»⁵, «Использование удовольствий»⁶, «Забота о себе»⁷, а также о ряде интервью и статей. Со стороны П. Адо наибольший интерес представляют работы «Духовые упражнения и античная философия»⁸, «Философия как способ жить»⁹ и «Внутренняя цитадель»¹⁰. Нельзя не отметить и ряд авторов, чей вклад значительно повлиял на формирование представлений о «культуре себя», ставшей основой концепции субъективации: В. Йегер¹¹, Э. Доддс¹², И. Адо¹³.

Важными для анализа являются исследовательские работы, посвященные развитию теоретических и философских идей и методологии М. Фуко. На Западе написаны сотни статей и монографий, посвященных М. Фуко или касающихся его философских концептов. Среди них необходимо выделить крупнейших исследователей – С. Элден¹⁴, Ф. Гро¹⁵, К. О'Фаррелл¹⁶, Д. Эрибон¹⁷, П. Вен¹⁸, И.-Ш. Зарка¹⁹, Д. Замора²⁰, Т. Дирберг²¹, Х. Тейлор²², а среди отечественных Н.С. Автономова²³, А.В. Дьяков²⁴ и И.П. Ильин²⁵. Если говорить непосредственно о предмете исследования, то среди современных школ и направлений, внутри которых развивается проблематизация фигуры субъекта, необходимо отметить: антифеноменологический деконструктивизм (Ж. Деррида, П. де Ман, Х. Булм, Дж. Хартман), антигерменевтический деконструктивизм (У. Спейсос, В. Вельш), французский постструктурализм

Наука, 2007. 677 с.

² Фуко М. Управление собой и другими: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1982-1983 году. СПб.: Наука, 2011. 432 с.

³ Фуко М. Мужество истины: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1983-1984 году. СПб.: Наука, 2014. 358 с.

⁴ Foucault M. On The Government of the Living: Lectures at the Collège de France, 1979-1980. New York. Picador, 2014. 365 p.

⁵ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Магистериум Касталь, 1996. 446 с.

⁶ Фуко М. Использование удовольствий. История сексуальности Т.2. СПб.: Академический проект, 2004. 432 с.

⁷ Фуко М. История сексуальности-III: Забота о себе. Киев: Дух и литера; Грунт; М.: Рефл-бук, 1998. 288 с.

⁸ Адо П. Духовые упражнения и античная философия / Пер. с франц. В.А. Воробьева. М.; Спб.: Изд-во «Степной ветер»; ИД «Коло», 2005. 448 с.

⁹ Адо П. Философия как способ жить. М.; Спб.: Изд-во «Степной ветер»; ИД «Коло», 2005. 288 с.

¹⁰ Hadot P. La Citadelle intérieure. Introduction aux Pensées de Marc Aurèle. Paris: Fayard, 1992. 386 p.

¹¹ Йегер В. Раннее христианство и греческая пайдейя. М.: Издательство Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина», 2014. 216 с.

¹² Доддс Э. Р. Греки и иррациональное. СПб.: Алетейя, 2000. 507 с.

¹³ Адо И. Свободные искусства и философия в Античной Мысли. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2002. 476 с.

¹⁴ Elden S. Foucault's Last Decade. New York: John Wiley & Sons, 2016. 272 p.

¹⁵ Gros F. Michel Foucault. Paris: Presses universitaires de France, 2010. 124 p.

¹⁶ O'Farrell C. Michel Foucault. London: SAGE, 2005. 200 p.

¹⁷ Eribon D. Michel Foucault. Harvard University Press, 1992. 448 p.

¹⁸ Вен П. Фуко. Его мысль и личность. СПб.: Владимир Даль, 2013. 195 с.

¹⁹ Zarka Y. C. L'autre voie de la subjectivité. Paris, Beauchesne. 2000. 132 p.

²⁰ Zamora D. Foucault and Neoliberalism. New Jersey: John Wiley & Sons, 2016. 152 p.

²¹ Dyrberg T. Foucault on the Politics of Parrhesia. New York: Springer, 2014. 141 p.

²² Taylor C. The Culture of Confession from Augustine to Foucault: A Genealogy of the 'Confessing Animal'. London: Routledge, 2010. 312 p.

²³ Автономова Н.С. Рассудок. Разум. Рациональность. М., 1988. 287 с.

²⁴ Дьяков А.В. Мишель Фуко и его время. СПб.: Алетейя, 2010. 672 с.

²⁵ Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. Москва: Интрада, 1996. 253 с.

(Ж.-Ф. Лиотар, Р. Барт, Ж. Бодрийяр, Ж. Делез, М. Фуко, Ж. Лакан, Ж.-Л. Нанси, Ф. Лаку-Лабарт), неомарксизм (Л. Альтюссер, Д. Лукач, А. Грамши, Э. Блох), франкфуртская школа (Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Г. Маркузе, Э. Фромм и др.), постмарксизм (Э. Балибар, К. Кастириадис, С. Жижек, Э. Лаклау, Ш. Муфф, А. Бадью, М. Хардт, Ф. Джеймисон), феминизм (С. де Бовуар, Д. Батлер, Б. Фридман, Ю. Кристева). Среди отечественных исследователей также можно встретить множество философов, чьи работы посвящены проблематике субъективности в том или ином контексте: В.В. Бибахин²⁶, М.К. Мамардашвили²⁷, М.М. Бахтин²⁸, В.А. Подорога²⁹, Б.В. Марков³⁰, А.В. Дьяков³¹, В.А. Лекторский³², Н.Е. Любутин³³, Ю.М. Романенко³⁴, Ф.И. Гиренок³⁵ и В.В. Васильев³⁶.

Большая часть этих авторов стала авангардом критической философской мысли XX и XXI века, которые исследовали взаимозависимость субъекта и общества, изучали внешнее (конструктивное или деструктивное) воздействие на субъект, природу и сущность субъекта и т.д. Некоторые исследователи заложили основы междисциплинарного подхода к исследованию проблем субъективности, например А. Бадью³⁷, В. Декомб³⁸ и С. Жижек³⁹ предлагали свои модели субъективности, но ни одна из них не дает ясного представления о том, как субъект может трансформироваться или как субъект сочетается с процедурой субъективации. На наш взгляд, в опубликованных изданиях явно просматривается отсутствие обобщенного представления об истории субъективации, а также наблюдается недостаточность в разработке системного подхода к различению концепций субъекта и субъективации. Стоит отметить успешные попытки систематизаций истории субъекта, но не субъективации, осуществлялись в работах А. Рено⁴⁰ и С.Е. Косиловой⁴¹.

Одной из ключевых идей М. Фуко, являлась оппозиция концепта субъективации человека, развивавшаяся до Декарта и концепта субъекта, появившаяся благодаря ему. В связи с этим, в работе концептуально

²⁶ Бибахин В.В. Собственность. Философия своего. СПб.: Наука, 2012. 536 с.

²⁷ Мамардашвили М. Беседы о мышлении. М.: Фонд Мераба Мамардашвили, 2015. 816 с.

²⁸ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. Москва: Советская Россия, 1979. 318 с.

²⁹ Подорога В.А. Выражение и смысл. М.: Издательство "Ad Marginem", 1995. 427 с.

³⁰ Марков Б.В. Философская антропология: Очерк истории и теории. СПб.: СПбГУ, 2003. 384 с.

³¹ Дьяков А.В. Проблема субъекта в постструктуралистской перспективе: онтологический аспект. М.: Курский ин-т социального образования, 2005. 600 с.

³² Лекторский В.А. Субъект. Объект. познание. М. Издательство "Наука", 1980. 357 с.

³³ Любутин К.Н., Пивоваров Д.В. Диалектика субъекта и объекта. Екатеринбург: Изд-во Урад. ун-та, 1993. 416 с.

³⁴ Романенко Ю.М. Бытие и естество. Онтология и метафизика как типы философского знания. СПб.: Алетейя, 2003. 779 с.

³⁵ Гиренок Ф. И. Фигуры и складки. М.: Академический Проект, 2014. 244 с.

³⁶ Васильев В.В. Трудная проблема сознания. М.: Прогресс-традиция, 2009. 272 с.

³⁷ Бадью А. Философия и событие. Беседы с кратким введением в философию Алена Бадью (Фабьена Тарби). М.: Ин-т общегуманитарных исследований, 2013. 192 с.

³⁸ Декомб В. Дополнение к субъекту. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 576 с.

³⁹ Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014. 528 с.

⁴⁰ Рено А. Эра индивида. К истории субъективности. Санкт-Петербург, ВЛАДИМИР ДАЛЬ, 2002. 473 с.

⁴¹ Косилова Е.В. Парадигмы субъектности. СПб.: Алетейя, 2021. 163 с.

разводятся понятия «субъект» и «субъективация» в разрезе их исторического развития. Структура исследования строится на историко-археологическом развертывании дискурса о субъекте и субъективации. Для этого в настоящей диссертации анализируется значительный массив литературы, имеющий междисциплинарный характер. Кроме того, М. Фуко указывал, что значительную часть своих сил он потратил на изучение трудов античности и дальнейшее исследование проблем субъекта, и поиск элементов концепции субъективации следует продолжить в работах Средних Веков, Возрождения, и в некоторых работах заката эпохи Просвещения, в XIX веке. В связи с этим, укажем важнейших авторов по исследуемой проблематике по разделам.

Теоретико-методологические характеристики концепций субъекта и субъективации, на основе которых сформулированы сущностные критерии, рассматриваются в трудах: М.К. Мамардашвили, В.В. Биbihина, Ф.И. Гиренка, И.П. Ильина, А.В. Дьякова, Б.В. Маркова, Я.А. Слина; среди зарубежных авторов работы В. Виндельбанда, Б. Рассела, М. Фуко, П. Адо, М. Хайдеггера, Ж. Делеза, С. Жижека, В. Декомба, А. Рено, Э. Кадава.

Античность как объект исследования со стороны М. Фуко определяет необходимость обращения к трудам Платона, Аристотеля, Плутарха, Посидония, Эпиктета, Марка Аврелия, Мусония Руфа, Сенеки и др. Аналитическое сопровождение в диссертации оказывают работы как отечественных (А.Н. Чанышев, В.Ф. Асмус, И. М. Нахов, А. Ф. Лосев, С.С. Хоружий, А.С. Степанова, И.Н. Мочалова и др.) так и зарубежных исследователей (В. Виндельбанд, Б. Рассел, Э.Р. Доддс, Ж.-П. Вернан, А. Жоли, М. Канто-Спербе, У.К.Ч. Гатри, А.-Ж. Фестюжьер, М. Хайдеггер, П. Адо).

Изучение Средневековья на предмет выявления элементов концепции субъективации потребовало исследования не столько теоретических работ, сколько привлечения текстов монашеских уставов и отдельные философских сочинений этого периода. Концептуализация западноевропейской модели субъективации строится на основе анализа устава св. Бенедикта, устава св. Августина, уставы св. Франциска и устава Ордена Тамплиеров с подключением сочинений А. Августина, Григория Великого, Ф. Аквината, св. Бернарда. Среди аналитиков были использованы работы Л.П. Карсавина, М. Мелвила, Р. Барта, Ж. Леклерка, М. Суини, Э. Жильсона. Восточная модель субъективации описывалась на основе анализа уставов св. Антония Великого, св. Василия Великого, Ф. Студита, Иоанна Лествичника и Григория Паламы, а также на современных аналитических работах А.И. Сидорова, И.И. Соколова, В.Н. Лосского, С.С. Хоружего, А.В. Апполонова, Й. Хейзинга, Ж. Ле Гофф, П. Лемерля, А.-М. Талбота.

Сочинения эпохи Возрождения, посвященные воспитанию и утверждению ценностей нравственности, стали основной для выявления элементов концепции субъективации в этот период. Среди источников были использованы труды Пико Д. Мирандолы, Э. Роттердамского и И. Лойолы, в

то время как среди аналитических работ следует особенно отметить Я. Буркхардта, Э. Кассирера, В. Дильтея, М.В. Догерти А. Горфункеля, Л.М. Брагиной, К. А. Сергеева и П.С. Гуревича.

Периоду Нового времени от Декарта и до Фихте посвящен ряд оригинальных источников в сочинениях Р. Декарта, Б. Спинозы, И. Канта, И. Г. Фихте и ряд их современных интерпретаций Ж. Делеза, М. Хайдеггера, Ф. Коплстона, К. Фишера, М.К. Мамардашвили, В.В. Бибахина, Н.В. Мотрошиловой, Ю.В. Перова, Я.А. Слинина, Т.И. Ойзермана и А. А. Гулыги.

Периоду XIX века посвящен анализ работ таких авторов как С. Кьеркегор, Ф. Ницше, Л. Фейербах и К. Маркс, с дополнением в виде современного видения их идей в трудах Ш. Ле Блана, П. Л. Холмера, Ж. Делеза, М. Хайдеггера, Р. Сафрански, С.С. Хоружего и А.Н. Мочкина. Поскольку период XIX века насыщен самыми разными философскими направлениями, анализ влияния некоторых из них на концепцию субъективации был изложен в ряде отдельных статей автора⁴².

Источниковедческая база диссертационного исследования включает в себя анализ современных философских течений на предмет выявления в них элементов концепции субъективации. Были использованы работы Ж.-П. Сартра, Н. Аббаньяно, М. Хайдеггера, В. Беньямина, Т. Адорно, Г. Маркузе, Э. Фромма, Р. Барта и Ж. Делеза. Среди аналитической литературы, обобщающей проблему субъекта в современной философии, использовались работы М.К. Мамардашвили, В.В. Бибахина, Т.И. Ойзермана, С.В. Шачина, Б.Н. Бессонова, Ф.И. Гиренка, И.П. Ильина, А.В. Дьякова, А.С. Колесникова, А.А. Грякалова; среди зарубежных авторов работы С. Жижека, С. Джеффриса, В. Декомба, Ф. Коплстона, А. Рено, Э. Кадавы и др.

Теоретико-методологической основой исследования выступают историко-философские методы исследования, в частности описательный, генетический, сравнительный и критический методы, а также применение приемов текстологического и культурно-сравнительного анализа. Описательный метод дает возможность изложить элементы учений отдельных философов, в рамках которого использовались классические философские трактовки концепции субъекта и субъективации. Генетический метод подразумевает под собой исследование философской мысли в ее историческом развитии и фиксацию противоречий и нерешенных задач в ходе ее развития. Сравнительный метод позволил проследить динамику историко-философского развития концепции субъекта и субъективации от античности до современности. Критический метод находит свое применение там, где

⁴² Русаков С.С. Идеи Ф. Ницше в контексте концепции субъективации // Философская мысль. – 2020. – № 2. – С. 65-72; Русаков С.С. Влияние аналитической философии на эволюции концепции субъекта на рубеже XIX-XX веков // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2023. – № 2. – С. 192-203; Русаков С.С. Проблема формирования концепции субъекта в неокантианстве // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. – 2023. – № 3 (49). – С. 56-61; Русаков С.С. Трансформация концепции субъекта на рубеже XIX-XX веков: континентальная философия // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2022. – №4. – С. 113-126

необходимо выявить положительные и отрицательные стороны, их влияние на общий процесс формирования концепции субъекта и субъективации. Текстологический анализ концентрируется на описании и интерпретации философских понятий и концепций, их историческую реконструкцию, выявление этапов разработки различных идей в творчестве отдельных мыслителей. Диссертация выполнена в интердисциплинарном духе, находясь на пересечении философии, истории, политологии, религиоведения и других социально-гуманитарных дисциплин.

В диссертации широко применяется методология компаративистики, особенно для раскрытия особенностей понимания сущности человека в различных культурно-исторических периодах между представителями разных философских направлений в генезисе европейской философской мысли. Данный метод предполагает сопоставление идей как авторов одного исторического контекста, так и концептуальные моменты в работах философов разных исторических этапов. В результате этих сопоставлений выделяются их ключевые общности и отличия, слабые и сильные стороны аргументации и, по необходимости, формируется новая систематизация. Сравнительный анализ позволил представить элементы концепций субъекта и субъективации в контексте разных исторических периодов и объективно отразить их философско-исторический смысл.

Объект, предмет и специфика исследуемого материала привели к необходимости использовать дополнительные исследовательские методы. Поскольку исследования субъективации в первую очередь связаны с работами М. Фуко, при анализе материала данного диссертационного исследования использовался комплекс подходов, связанный с его творчеством. Взяв элементы теоретико-методологического подхода М. Фуко, в частности, археологический метод, диссертант дополняет им классический историко-философский анализ, используя в качестве материалов для исследования тексты, не связанные непосредственно с философским дискурсом. Цель археологии, как указывает Н.С. Автономова, в том, чтобы «не растворяя специфику отдельных культурных периодов в общей идее, в господствующем «духе эпохи», найти концептуальные средства для их фиксации и исследования»⁴³. Такая необходимость возникла в связи с тем, что практики субъективации, вплетенные в философскую традицию античности, при переходе в средневековую традицию утратили философских фундамент, заменив его христианской доктриной и социальной и культурной наполненностью монастырской жизни. Поэтому в тексте диссертации использованы уставы монашеских орденов и писания, на основе которых строились монашеские практики, показывающие то понимание субъективации, которое складывалось в определенный исторический период. Диссертант считает закономерным и плодотворным непосредственное

⁴³ Автономова Н.С. Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках. М. Издательство "Наука", 1977. С. 56

применение археологического метода, который логично вписывается в историко-философское исследование.

Отдельно следует сказать об использовании метода реконструкции, являющимся одним из самых важных в русле историко-философских исследований. Среди методологов, разрабатывающих проблему реконструкции как метода, стоит упомянуть таких отечественных ученых, как З.А. Каменский, Т.И. Ойзерман и Т.Г. Щедрина, а среди зарубежных таких, как И. Лакатос и П. Фейерабенд. В рамках данной работы реконструкция понимается как восстановление замыслов автора, но не путем доработки некоего ненаписанного текста, а путем восстановления логики автора. Реконструирование концепций предполагает не копирование и точное воспроизведение идей рассматриваемого автора, а воспроизведение смысла, ориентированного на актуализацию⁴⁴. Кроме того, как писал З.А. Каменский, строгое историко-философское исследование требует рациональной реконструкции, предполагающей сознательно поставленную цель и специально разработанные методы⁴⁵. Взяв за основу имеющиеся у М. Фуко идеи о том, чем отлична концепция субъективации от концепции субъекта, данная работа воспроизводит логику и разрабатывает критерии обеих концепций на основе которых реконструирует их развитие в исторической перспективе. Таким образом, произведенная на уровне идей реконструкция позволяет увидеть одну из интерпретаций того, как можно применить концепцию субъективации и концепцию субъекта к истории европейской философской мысли.

Концептуальное развитие идеи субъекта и субъективации разбирается в теоретико-методологической главе данного диссертационного исследования, но весь терминологический аппарат работы неразрывно связан с применением понятий субъект, субъективация и субъектность, следовательно, необходимо отметить несколько замечаний касательно применения этих трех понятий в рамках данного исследования.

Понятие субъект, как пишет К.Н. Любутин, постоянно обновляется в своем содержании благодаря тому, что взаимодействие понятий субъект и объект развивались в контексте размышлений о сознании и материи, духе и природе, человеке и обществе. Так, субъект понимался разными философами как: 1) сознание (Г.В. Плеханов, А.М. Деборин); 2) общественный человек (С.Я. Вольфсон, М.А. Леонов, Е.В. Шорохова, М.М. Матаев, М.М. Розенталь, Т. Павлов); 3) субъект как общество (П.В. Копнин)⁴⁶. Как указывает В.А. Лекторский, на протяжении веков складывалось множество подходов к

⁴⁴ Щедрина Т.Г. Историческая реконструкция в гуманитарных исследованиях: методологические возможности и проблемы. Материалы круглого стола (Пружинин Б.И., Ажимов Ф.Е., Бендерский И.И., Даценко П.А., Загуменнов А.В., Кажаяева Н.А., Микешина Л.А., Мотовникова Е.Н., Ольхов П.А., Ратушина Д.В., Сабанчеев Р.Ю., Шушкина А.Г., Щедрина И.О.) // Вопросы философии. – 2018. – № 5. – С. 5-42

⁴⁵ Емельянов Б. В. Книга, которая нужна и которой... Нет // Известия Уральского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. – 2007. – № 4. – С. 205-209.

⁴⁶ Любутин К.Н., Пивоваров, Д.В. Диалектика субъекта и объекта. Екатеринбург: Изд-во Урад. ун-та, 1993. С. 98-101

пониманию субъекта и среди них наиболее широкими являлись понятия индивидуальный, субстанциональный, трансцендентальный, абсолютный и коллективный субъекты⁴⁷. Конструктивный реализм самого В.А. Лекторского предполагает, что «субъект существует только в единстве Я, межчеловеческих (меж-субъектных) взаимоотношений и познавательной и реальной активности»⁴⁸, т.е. вводит неклассический субъект-субъектный подход. Другой современный и комплексный подход, например Е.В. Косиловой, разделяет рассмотрение проблемы субъекта на парадигму существования (субъект как совокупность отношений) и парадигму сущности (субъект как сущность), но предлагает и классическое определение субъекта как «воплощенную единицу мысли и действия, единичное нечто, которое осуществляет познание, принимает решение, действует»⁴⁹.

Среди западных ученых анализ проблемы субъекта часто складывается вокруг парных категорий, например А. Рено указывает на такие оппозиции как трансцендентность и имманентность, индивидуальность и субъективность, гуманизм и индивидуализм, модерн и антимодерн⁵⁰, в то время как В. Декомб указывает основные вехи развития понятия субъект и субъективность через картезианство, феноменологию и структурализм⁵¹. В рамках данной работы историко-философских анализ развития концепции субъекта покажет его развитие под разными углами, но всегда в противопоставлении с объектом, вписываясь в рамки классического подхода.

Понятие субъективация имеет не такую долгую историю развития как понятия субъект и не имело таких важных трансформаций в своей истории. Будучи развитой П. Адо и М. Фуко субъективация первоначально закреплялась как совокупность процедур, в ходе которой человек как субъект устанавливает бесконечное изменчивое отношение к самому себе и обнаруживает новую истину о себе самом⁵². Дальнейшее развитие понятия субъективация во-многом приобрела психоаналитический (Д. Батлер, С. Жижек и др.) или политический (Ж. Рансьер, А. Бадью и др.) оттенок, но не изменила своего общего содержания, настаивая на бесконечности в процессе формирования субъекта, независимо от цели самой субъективации.

Говоря о понятии субъективности (или субъектности), которая с историко-философской точки зрения, является производной от субъекта⁵³, можно сказать, что только в XX веке стратегии ее исследования прошли три основных «поворота»: 1) поворот от анализа сознания к анализу языка (вклад Гуссерля, Фреге и др.); 2) поворот от анализа душевной жизни к проблемам структуры языка (вклад Бахтина, Соссюра и др., а позже и психоаналитическая

⁴⁷ Лекторский В.А. Субъект. Объект. познание. М. Издательство "Наука", 1980. С. 282-288

⁴⁸ Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 155-156

⁴⁹ Косилова Е.В. Парадигмы субъектности. СПб.: Алетейя, 2021. С. 5

⁵⁰ Рено А. Эра индивида. К истории субъективности. Санкт-Петербург, ВЛАДИМИР ДАЛЬ, 2002. 473 с.

⁵¹ Декомб В. Дополнение к субъекту. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 6

⁵² Фуко М. История сексуальности 4. Признания плоти. М.: Ад Маргинем Пресс: Музей современного искусства «Гараж», 2021. С. 248

⁵³ Грякалов А.А. Эстетическая субъективность: событие обретений // Философские исследования. – 2018. – Том 7. – № 1 (13). – С. 5-36.

повестка); 3) лингвистический поворот и проблема границ языка (вклад Л. Витгенштейна, а позже и представителей постмодерна)⁵⁴. Наиболее удачное определение субъективности в свое время дал М. Хайдеггер, определяя ее как «субъективный эгоизм», т.е. свойство человека как субъекта, позволяющее определять и обеспечивать основание сущего в его предметности⁵⁵.

Видно, что толкование указанных понятий всегда вызывает большие споры в философском сообществе и вызывает необходимость дать точные определения, к которым апеллирует данная работа:

Субъект – это сущее в лице человека, активно ведущего познавательную и практическую деятельность в отношении объекта.

Субъективация – процесс становления сущего, предполагающий процедуры преобразования человека и достижение новых форм субъективности.

Субъектность – атрибутивное качество сущего, связанное с признанием его самостоятельности бытия и независимости от внешних сил.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Концепция субъекта рассматривается как комплекс идей и концептуальных решений, устанавливающих строгое субъект-объектное отношение человека с окружающей действительностью, в котором утвердившийся человек-субъект признается центральной и автономной фигурой. К критериям концепции субъекта относятся *статичность* (отсутствие необходимости преобразовывать свою субъектность), *автономность* (наличествующие у человека имманентные и самопроизвольные способности и атрибуты, обеспечивающие ему субъектность), *гносеоцентризм* (направленность человеческого познания на внешнюю, объективную реальность), «*внутримирность*» (включенность человека в интерсубъективную систему социально-политических отношений, гарантирующих ему субъектность).

2. Концепция субъективации включает в себя комплекс идей и концептов, устанавливающих свободное пространство отношений между субъектом и миром, а также между субъектами, где человек не является центром этих отношений, но стремится к постоянному становлению. К критериям концепции субъективации относятся *динамичность* (обязательное преобразование собственной субъективности через стадии, «прыжки», фазы, формы и пр.), *гетерономность* (наличествующие качества и способности постоянно должны трансформироваться под влиянием трансцендентных ценностей или образов), *этикоцентризм* (человеческое познание детерминировано различными практиками), «*внемирность*» (первоочередная интенсификация отношений с собой, а не с обществом).

⁵⁴ Колесников А.С., Ставцев, С.Н., *Формы субъективности в философской культуре XX века*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. – С. 3-9

⁵⁵ Хайдеггер М. *Время и бытие*. Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 166

3. Археологический метод (М. Фуко), являющийся элементом постмодернистской парадигмы, дополняет классический историко-философский анализ и позволяет рассматривать комплексы разрозненных текстов, составляя из высказываний разных авторов новые дискурсы. Анализ дискурса о человеке позволил выстроить и концептуализировать два параллельных регистра высказываний – о субъекте и о субъективации.

4. На материале античности и в сравнении с сократо-платонической моделью были рассмотрены киническая и пифагорейская модели субъективации. Киники концентрируют внимание на образе жизни, демонстрируя такие практики субъективации как упражнение в парресии, техника испытания, техника манифестации истины, упражнение в оценке и надзоре, техника «перечеканки монеты». Пифагорейцы настаивают на совершенствовании через интеллектуальное развитие и соблюдение этических правил, развивая такие техники субъективации как досмотр души, следование ограничительным максимам, исполнение правила «соблюдения меры» и упражнение в искусстве. Эллинистическая модель субъективации предполагает, что забота о себе концентрируется одновременно на теле, душе и разуме человека, предлагая некоторые практики из сократо-платонической модели, но и существенно обновляя ее арсенал, делая упор на техники обращения на себя, досмотр души, упражнение по предвещающему размышлению о зле и упражнение последнего дня. Раннехристианская модель субъективации связана с формированием образа жизни, способного повернуть человека к Богу. Раннехристианская модель вобрала в себя некоторые элементы античных практик, особенно из эллинистической модели. В рамках этой модели выделяется практики крещения, покаяния и наставничества; а также две основных техники, продолжающих генезис досмотра души: «экзагореза» (досмотр извне) и «экзомологеза» (досмотр внутри).

5. Развитием раннехристианского учения о совершенстве человека являются западная монашеская традиция, продолжившая свое развитие в четырех моделях субъективации: бенедиктская, рыцарская, францисканская (апостольская) и августинианская, в рамках которых выделяются новые практики субъективации: чтение, медитация, молитва и созерцание; и восточная монашеская традиция, где представлены анахоретская, киновиная и идиоритмическая модели субъективации, объединенные такими уникальными практиками субъективации как досмотр души и исправление сердца, бесстрашие, обожение и испытание себя.

6. В эпоху Возрождения появляется гуманистическо-христианская модель субъективации, развивавшаяся в полемике различных философских направлений. Джованни Пико выделяет режимы субъективации; Эразм Роттердамский выдвигает набор принципов субъективации; Игнатий де Лойола развивает практики субъективации (испытание совести, молитва, покаяние, божественное чтение, предостережение разума, упражнение в правильном выборе, упражнение в преодолении мнительности, упражнение в восхвалении церкви). Данная эпоха завершила развитие концепций

субъективации, поскольку в Новое время на их основе оформилась концепция субъекта и как следствие установила жесткую субъект-объектную матрицу научного и философского познания, что ознаменовало собой уход из интеллектуального дискурса субъективации. Несмотря на остаточность влияния этики в философии Декарта или Спинозы, автономность и гносеоцентризм становятся основными ориентирами в выстраивании дискурса о человеке. «Картезианский поворот» предвосхитил господство теории субъекта над теорией субъективации. Картезианский и кантовский субъекты имели в своем составе моральную и нравственную составляющие, но они разрабатывались ими в контексте социальных перемен в обществе и социальных интеракций в целом, а не связывались напрямую с проблемой познания истины. Гносеология, как раздел философии, в значительной степени отделила традицию духовного роста от процесса и предмета познания как поиска истины. Практики «культуры себя» или «заботы о себе», в сравнении с античным и средневековым периодами, стали вторичными и не получили развития в философском осмыслении.

7. Кризис концепции субъекта во второй половине XIX века стал тем периодом в истории философии, который обозначил неспособность философского дискурса дать эффективный ответ на вопрос о человеке и пределах его индивидуального духовного и интеллектуального развития. Кьеркегор предлагает проект становления человека, который проходит несколько стадий с помощью «прыжков», что адекватно христианскому учению о лестнице совершенства, несвойственному теории субъекта; он предлагает новое соотношение между человеком и моралью, противоположное декарто-кантовскому рационализму и базирующееся на иррациональной вере. Маркс модифицирует просветительскую концепцию субъекта в гегельянском духе с опорой на отчуждение человека в капиталистическом мире-объекте. Ницше, в своем разрушении традиционной концепции субъекта, предлагает свою собственную трактовку субъективации – вечного становления человека, но по принципу «здесь и теперь», без апелляции к божественному Провидению. В своей полемике с устоявшейся декартовской позицией субъекта, представители этих направлений выдвигали принципиально новые концепты, которые дали возможность обосновать идею человека через призму концепции субъективации.

8. Экзистенциализм стремится к отрицанию субъект-объектной бинарности, ориентируясь на снижение значимости гносеологии и возвышении онтологии и этики. В лице Сартра и Хайдеггера, он совершает онтологический поворот в сторону бытийственности человека и связанный с этим процесс подлинного бытийного пути человеческого становления. Хайдеггер радикально преодолевает проблему соотношения субъекта и объекта, вводя понятие *Dasein* и формируя новый философский язык, определяя через экзистенциалы подлинность и неподлинность бытия человека. В связи с этим снимается идеи статичности и автономности субъекта, провозглашенные в классической концепции субъекта. Таким

образом, экзистенциализм входит в рамки концепции субъективации и совершает разрыв с традицией концепции субъекта эпохи Нового времени.

9. Представители неомарксизма в рамках дискурса о субъекте переходят к критике капиталистической системы и культуры потребления. Они направляют свое критическое мышление на вскрытие сущностных черт капитализма и актуализируют идеи Маркса по освобождению человека через разрушение социальных форм отчуждения. Как для В. Бенямина и Д. Лукача, так и для фрейдистского крыла – Т. Адорно и Г. Маркузе – большую роль в эмансипации человека выполняет искусство, которое позволяет человеку высвободить свою субъектность через красоту, гармонию, пропорции и т.д.

10. Философская парадигма постмодерна попыталась аккумулировать весь теоретико-методологический опыт критики субъекта и радикально преобразовать его понимание. Выявляя современный кризис теории субъекта, представители традиции постмодерна предлагали значительное разнообразие способов преодоления сложившейся концепции субъекта. Ролан Барт деконструирует концепцию субъекта, используя текстуальную среду его проявления и фундирует идею «смерти автора». Жиль Делез формулирует концепцию номадического субъекта, которая сочетается с концепцией субъективации, где утверждается динамичность, гетерономность и этическая направленность в практической деятельности человека. Мишель Фуко предлагает новую проблематизацию темы субъекта, формулируя идею о совместной субъектности через исторически-детерминированные практики (такие как брак, наставничество, конкубинат и т.д.).

Научная новизна исследования:

1. В работе с историко-философской точки зрения предложена методология анализа истории развития концепции субъекта и субъективации, их взаимодействия и взаимопроникновения, в рамках которой разработана их генеалогия и набор критериев для определения субъекта (статичность, автономность, гносеоцентризм, внутримирность) и субъективации (динамичность, гетерономность, этикоцентризм, внемирность).

2. Осуществлена концептуализация археологического метода М. Фуко с целью реконструкции исторических этапов формирования и развития концепции субъекта и субъективации. В ходе исследования были использованы такие археологические методы как индивидуализация и сравнения дискурсивных формаций по заранее заданным критериям; метод использования текстов различных жанров с установлением фильтра на конкретный предмет исследования; метод концентрации на анализе высказываний, а не на анализе дискурса.

3. Уточнены элементы сократо-платонической, эллинистической и раннехристианской моделей (построенные М. Фуко) и определено содержание кинической и пифагорейской моделей субъективации, что в совокупности позволило последовательно и системно представить весь сложившийся

арсенал духовных практик, нацеленных на субъективацию человека в античную эпоху.

4. Выделены и проанализированы четыре модели субъективации эпохи Средневековья в западной монашеской традиции (бенедиктская, рыцарская, францисканская и августинианская) и три модели субъективации в восточной монашеской традиции (анахоретская, киновиная и идиоритмическая), характеристика которых позволяет проследить генеалогию концепции субъективации, продолжившей свое развитие после завершения античности.

5. Представлен вариант гуманистическо-христианской модели субъективации, сформулированной в историко-философском дискурсе авторами эпохи Возрождения и являющейся, по своим характеристикам, связующим звеном между теряющей свое влияние концепцией субъективации и усиливающейся концепцией субъекта. В работе показано, что в результате влияния картезианства в западноевропейском философском дискурсе с XVII века наблюдается утверждение концепции субъекта, что вызвало сдвиг в представлении о человеке как субъекте от гетерономности и этикоцентризма в сторону автономности и гносеоцентризма. Обосновано, что в эпоху Нового времени концепция субъективации постепенно вытесняется концепцией субъекта, которая приобретала новые черты и различные интерпретации до середины XIX века.

6. Представлена реконструкция философских учений XIX века в контексте видения человека через призму концепции субъекта и субъективации, в ходе которой выявлены причины и особенности нарастающего интеллектуального кризиса. В ходе анализа кризиса концепции субъекта по-новому раскрыты идеи «прыжков» в новые формы субъектности (С. Кьеркегор), ограниченной автономности субъекта перед объектом (Л. Фейербах), отчуждения человека как субъекта в мире-объекте (К. Маркс), воли к власти (Ф. Ницше), которые были направлены на разрушение утвердившихся в эпоху Нового времени параметров концепции субъекта и предлагали свои оригинальные решения.

7. Раскрыты попытки концептуальных решений кризиса субъекта в философском дискурсе XX века, среди которых наиболее проработанными стали экзистенциализм (идея Dasein как преодоления субъектности М. Хайдеггера и идея утверждения Я через Другого Ж.-П. Сартра), неомарксизм (идея искусства как преодоления отчуждения В. Беньямина, идея коллективного субъекта Д. Лукача, идея реабилитации субъекта через искусство Т. Адорно и идея одномерности человека Г. Маркузе) и постмодернизм (идея смерти автора Р. Барта, идея номадического субъекта Ж. Делеза и идея двойной субъектности М. Фуко). Таким образом, показано, что экзистенциальный, неомарксистский и постмодернистский способы преодоления проблемы кризиса концепции субъекта радикализировались и интегрировали в себя элементы концепции субъективации.

Научно-теоретическая и практическая значимость

Научно-теоретическая и практическая значимость обусловлена актуальностью темы и новизной проблематики. Научно-методологическое осмысление процессов субъективации очерчивает новое поле исследований в истории философии и в социальной философии. Материалы и выводы диссертации дают новое теоретическое представление о процессах становления субъекта, а также открывают возможность выхода на новую степень объективности в исследовании современного общества и обществ прошлых эпох. Материал диссертации может быть использован при чтении курса «Философия», «История философии», «Социальная философия», «Антропология». Разработанная в диссертационном исследовании концепция субъективации будет способствовать модернизации теоретико-методологического инструментария анализа развития личности и общества в различных дисциплинарных областях (философия, социология, политология, культурология и др.). Полученные результаты могут выступить в качестве методологической базы для формирования различных технологий, ориентированных на оптимальное развитие личности в его духовном воспитании и в развитии гражданственности.

Апробация результатов исследования

Достоверность и научная обоснованность результатов исследований обеспечена тщательным и всесторонним изучением темы на основе историко-философской анализа большого комплекса источников и философских и исторических работ, использованных в исследовании. В работе применена методология, соответствующая цели и задачам исследования, объединяющая различные, в том числе и новаторские, методы исследования.

Достоверность и обоснованность результатов исследования основана на том, что представленная в исследовании концепция, связанная реконструкцией концепций субъекта и субъективации, находится в русле современных философских представлений, связанных с изучением проблемы субъекта (В. Декомб, А. Рено, В.В. Биbihин, В.А. Лекторский, Ю.М. Романенко, Е.В. Косилова), анализом духовных практик (П. Адо, С.С. Хоружий), применением археологического метода М. Фуко (С. Элден, Ф. Гро, Н.С. Автономова, В.А. Подорога) Соответствие результатов исследования современным концепциям философской науки и общему направлению научных исследований в социально-гуманитарной сфере доказывает их достоверность и подтверждает квалификационный уровень исследования докторской диссертации.

Основные положения диссертации отражены в научных трудах, опубликованных автором. Общий объем публикаций по теме исследования составляет 22, 5 п.л. Наиболее значимые результаты исследования содержатся в 16 статьях в журналах из списка, рекомендованного Высшей аттестационной комиссией Российской Федерации (ВАК РФ) для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук,

включая такие авторитетные журналы, как «Вестник русской христианской гуманитарной академии»⁵⁶, «Этическая мысль»⁵⁷ и «Вестник Вятского государственного университета»⁵⁸. Необходимо также отметить вышедшую в 2022 году монографию «Субъект и субъективация в философии экзистенциализма»⁵⁹, посвященную детальному анализу большого количества авторов экзистенциализма и о трансформации их представлений о субъекте в философских работах XIX-XX веков.

В период с 2020 по 2025 гг. автор принял участие в научных конференциях, как международных, так всероссийских и межвузовских. Среди них – «Социальное и гуманитарное сотрудничество в ЕАЭС: реалии и перспективы» (международная конференция, Университет при МПА ЕврАзЭС); «Герценовские чтения» (межвузовская конференция, РГПУ им. А.И. Герцена), «Гатчинские чтения» (международная конференция, Гатчинский государственный университет). На этих конференциях автор излагал основные выводы, сделанные им в процессе подготовки диссертации. По теме диссертации всего опубликовано 25 научных работ.

Структура и объём исследования

Структура диссертации определяется логикой решения поставленных задач и содержит введение, пять глав, заключение и список использованной литературы, включающий 435 источников, в том числе 74 - на иностранных языках. Общий объем работы составляет 366 страниц.

Соответствие паспорту научной специальности

Проблематика и выводы диссертации соответствуют паспорту научной специальности 5.7.2. – История философии. В частности, в работе затрагиваются следующие из обозначенных в паспорте специальности областей исследования: «Понятие историко-философского метода; его связь с герменевтическим и текстологическими (филологическими) методами и его отличие от общеполитических методов; пределы и возможности его применения» (п. 2), «Философия античности и Древнего Востока» (п.5), «Средневековая философия» (п.6), «Философия Нового времени» (п.8), Философия XIX в.» (п.11), «Философия XX и XXI вв.» (п.12).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

⁵⁶ Русаков С.С. Концепция собранного субъекта Мераба Мамардашвили // Вестник русской христианской гуманитарной академии. – 2022. – Том 23. – № 2. – С. 108 – 117.

⁵⁷ Русаков, С.С. Практика субъективации в стоической философии Марка Аврелия // Этическая мысль. – 2022. – Т.22. – №2. – С. 62-73.

⁵⁸ Русаков С.С. Концепция субъекта в неогегельянстве. Случай А. Кожева // Вестник Вятского государственного университета. – 2022. – №3 (145). – С. 38–46.

⁵⁹ Русаков С.С. Субъект и субъективация в философии экзистенциализма: монография. – Гатчина: Изд-во ГИЭФПТ, 2022. – 225 с.

Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения и списка литературы.

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, выявляется степень ее научной разработанности в России и за рубежом; определяются объект и предмет, а также цели и задачи исследования; формулируется научная новизна и выносимые на защиту положения; раскрываются теоретико-методологические и историко-философские основы исследования, определяется теоретическая и практическая значимости.

Первая глава **«Теоретико-методологические аспекты исследования субъективации»** состоит из 3 параграфов.

В первом параграфе **«История развития концепции субъекта»** формулируется концепция субъекта, под которой понимается совокупность концептуальных решений, устанавливающих строгое субъект-объектное отношение человека с окружающей действительностью, где человек-субъект признается центральной и автономной фигурой. К критериям и основным характеристикам концепции субъекта были отнесены статичность (отсутствие необходимости преобразовывать свою субъектность), автономность (наличествующие у человека способности и атрибуты обеспечивают ему субъектность), гносеоцентризм (направленность человеческого познания на внешнюю, объективную реальность), внутримирность (включенность человека в систему социально-политических отношений гарантирует ему субъектность).

Во втором параграфе **«Проблема формирования концепции субъективации»** формулируется концепция субъективации, понимаемая как комплекс идей, устанавливающих свободное пространство отношений между субъектом и миром, где человек не является центром отношений и стремится к постоянному становлению. К критериям и основным характеристикам концепции субъективации были отнесены динамичность (обязательное преобразование собственной субъективности через стадии, «прыжки», фазы, формы и пр.), гетерономность (наличествующие качества и способности постоянно должны трансформироваться под влиянием трансцендентных ценностей или образов), этикоцентризм (человеческое познание направлено на себя и подкрепляет свое развитие различными практиками), внемирность (первоочередная интенсификация отношений с собой, а не с обществом).

В третьем параграфе **«Особенности применения археологического метода как элемента историко-философского исследования»** показано, как археологический метод М. Фуко может дополнить классический историко-философский анализ и на основе вышеуказанных критериев позволяет рассмотреть то, как дискурс о субъекте и субъективации формируется не только в работах философов конкретных исторических периодов, но и на основе дискурсивных элементов, встречающихся в других историко-культурных текстах.

Вторая глава **«Проблема формирования античных моделей субъективации»** состоит из 3 параграфов.

В первом параграфе «Интерпретации первых концепций субъективации в философии Древней Греции» реконструируются первые три модели субъективации эпохи античности: сократо-платоническая, киническая и пифагорейская модели. Получая свое зарождение в VI-V веках до н.э., они представляют собой первые попытки системного представления о становлении человека в своем отношении к самому себе и к миру, т.е. являются первой концептуализацией процесса субъективации. В параграфе дано подробное описание практик и конкретные упражнения, свойственные каждой из представленных моделей. Появляющаяся в сократо-платонической модели «забота о себе» связана с проблемами воспитания в себе каких-либо недостающих качеств и концентрировалась вокруг души человека, предполагая приготовление либо к следующей фазе жизни, либо к деятельности в сфере политики. Киническая модель субъективации, в отличие от сократо-платоновской, не просто отстраняет интеллектуальное или физическое воспитание, но практически отвергает его, концентрируя внимание на истине в себе через образ жизни, который разрушает искусственные общественные ценности и осуществляет некую эмансипацию от внешней власти, чтобы человек качественно преобразился здесь и сейчас, а не в следующей жизни. В модели субъективации у пифагорейцев наблюдается формирование и осуществление такого образа жизни, при котором человек очищается от низших качеств и приводит себя к окологрешившему существованию. Данная модель, в отличие от сократо-платоновской и кинической, считает необходимым совершенствоваться как через интеллектуальное развитие, так и через соблюдение особых этических правил. Можно отметить и наиболее общую черту всех трех моделей – целью субъективации в них является показать, каким человек может стать и научиться действовать наиболее благим образом, достигая своей наиболее совершенной версией.

Во втором параграфе «Эллинистические модели субъективации» проанализирована эллинистическая модель субъективации, получившая широкое распространение в период с I в. до н.э. и до III в. н.э. Несмотря на то, что в рамках этого периода существовало множество философских направлений и школ (стоики, киники, эпикурейцы, неоплатоники и пр.), концептуализация общей эллинистической модели является попыткой объединить их практики и представить эклектичную модель со стоическим учением в ее центре. Данная модель только вобрала в себя некоторые практики из сократо-платонической модели и существенно обновила ее арсенал, делая акцент на технику обращения на себя, досмотр души, упражнение по предвещающему размышлению о зле и упражнение последнего дня. Забота о себе в этой модели связана с общими вопросами самости, формирования особого образа жизни, который способен не только повернуть человека к истине, но и в целом совершенствовать его на всех этапах развития. Модель предполагает, что забота о себе концентрируется не только на душе, как это было ранее, но и на теле и разуме человека. Забота о себе в данной модели

предполагает не только саморазвитие человека на протяжении всей жизни, но во многом была обусловлена концентрацией античной философии на теме индивидуальной смерти. Тем не менее, важнейшим изменением в субъективации, помимо самих духовных практик, стало использование наставничества как наиболее эффективной формы совершенствования, поскольку друг или наставник становится особой фигурой, которая помогает кристаллизовать характер и соблюсти привычки своей ежедневной культуры себя в рамках таких практик как досмотр души или досмотр сознания. Субъективация в данной модели постепенно уходила от исключительной индивидуальности и предполагала, что правильное становление личности неэффективно без внешней помощи.

В третьем параграфе «Развитие концепции субъективации в теологии раннего христианства» прослеживается эволюция концепции субъективации в связи с ее переходом в христианскую парадигму. С тем как христианство интегрирует в себя «заботу о себе», эволюция концепции субъективации меняет свое направление – проблема взращивания в себе недостающих качеств или формирования своей самости уходит в прошлое, а задачей духовных практик становится сближение своей природы с сущностью единственного сверхсубъекта – Бога. Монашество, как единственная сохранившаяся институциональная организация духовной жизни, сохранила и адаптировала к новой реальности многие «практики себя», взятые у своих античных предшественников. Диссертант предлагает раннехристианскую модель субъективации, которая обнаруживается в I в. н.э. и существует до V в. н.э., объединяя в себе важнейшие изменения в понимании христианством личности, ее взаимодействия с миром и Богом. Забота о себе в этой модели связана с формированием образа жизни, способного повернуть человека к Богу, который в свою очередь, дает знания о себе самом, о мире и об истине.

Данную модель можно охарактеризовать как результат распада культурных ценностей античной эпохи и формирования новой, христианской парадигмы формирования субъектности человека и его образа жизни. Раннехристианская модель субъективации предполагает, что забота о себе концентрируется в основном на душе, повторяя некоторые античные практики, особенно из эллинистической модели, что было обусловлено непосредственным столкновением с представителями данной школы в имперский период. Групповое сплочение и индивидуальное наставничество в равной степени имели большое значение для осуществления духовных практик внутри подобных общин, вплоть до институционализации монашества.

Практики, отвечающие за совершенство человека, становились все более строгими, но главным образом практика досмотра души теперь осуществляется строго вместе с наставником или перед всей христианской общиной. Субъективация в данной модели предполагает уже не столько самосовершенствование, сколько заключается в том, чтобы научить как человеку действовать, чтобы «мочь быть вообще». Помимо этого, многие

духовные практики приобрели уже объективизирующий характер, превращая человека в объект наставлений и проверок со стороны общины или наставника. Кроме того, постоянное приведение себя в состояние приближения к Богу необходимо для получения доступа к истинной вере (жизни) и к пониманию себя как части божественной сущности.

Третья глава «Трансформация модели субъективации в средневековых монашеских практиках» состоит из 2 параграфов.

В первом параграфе «Модели субъективации в западной монашеской традиции» раскрываются особенности формирования субъективации в западнохристианской монашеской традиции. Бенедиктская модель представляется фундаментальной моделью субъективации в Средние века, чьей точкой отсчета является середина VI в., а завершением конец XII в. В целом, именно в V в. н.э. происходит революция в культурной парадигме христианства, поскольку впервые появляются строгие, институционализированные монашеские правила, не имевших аналогов в античную эпоху. Для этой модели характерно соблюдение норм христианской жизни и получение истины в ходе своего стремления к совершенству. Модель предполагает, что забота о себе в первую очередь и должна концентрироваться исключительно вокруг души человека, а не его сознания или тела, впитывая практики раннехристианской модели, например такие практики как наставничество, покаяние и крещение. Духовные практики значительно преобразились, добавляя в ежедневную деятельность обязательную литургию, физический труд, пост, божественное чтение, молитву, чтение и созерцание, а техника досмотра сознания вовсе заменялась новыми базовыми принципами послушания, молчания и смирения. Таким образом, субъективация в рамках устава св. Бенедикта — это конституирование субъектности через стабильность ежедневных практик, умеренность в совершенствовании разума и души (и отсутствие практик "умерщвления" тела), рационализацию своей воли как продолжения воли всей общины монастыря. Несмотря на то, что субъективация в данной модели предполагает приготовление своей души к следующей фазе жизни, которая полностью зависит от соблюдения образа текущей жизни, личность в значительной степени лишалась своей индивидуальности и независимости.

Рассматривая дальнейшее развитие средневековых моделей субъективации, являющихся более институционализированными, чем античные практики, необходимо признать их условность. Систематизируя дальнейшее развитие средневековых моделей субъективации, диссертант предлагает выделить рыцарско-монашескую, францисканскую и августинианскую модели. Данные модели появились не только как результат эволюции устава Бенедикта, но и как ответ на общий кризис монашеской культуры в Европе X-XII веков. Рыцарско-монашеская модель появляется в промежутке между началом XII в. и концом в XV в. Субъективация, как и в бенедиктской модели, связана с проблемами спасения души, что предполагает соблюдение норм христианской жизни и получение истины в ходе своего

стремления к совершенству. Модель предполагает, что забота о себе должна концентрироваться вокруг души и тела человека, но основным инструментом совершенствования является не созерцание, а сражение. Забота о себе в данной модели предполагает приготовление своей души к следующей фазе жизни, которая полностью зависит от соблюдения образа текущей жизни и от того, насколько воинствующий монах хорошо служит и исполняет волю Бога. Францисканская модель субъективации появляется в начале XIII века и существует до конца XVI века. В ней субъективация связана в первую очередь с проблемой спасения не только собственной души, но души другого человека, («ближнего своего»), что и являлось основой апостольской деятельности. Модель предполагает, что забота о себе должна концентрироваться вокруг души, однако постепенно интеллектуальная деятельность стала преподноситься как необходимое благо. Забота о себе в данной модели предполагает приготовление не только своей души, но и души проповедуемых, к следующей фазе жизни, которая полностью зависит от соблюдения идеалов францисканской жизни. Августинианская модель субъективации, чье появление приходится на начало V века, и которая сохраняет свое влияние вплоть до конца Средневековья, также предполагает, что проблема спасения души связана с соблюдением норм христианской жизни и получение истины в ходе своего стремления к совершенству. Здесь забота о себе в первую очередь базируется на вере, но может быть подтверждена с помощью разума. Как практики, так и принципы субъективации подверглись в средневековый период значительной переработке, но в ходе исследования показаны сходство целей и методов возвращивания в себе качеств, необходимых для постадийного совершенствования души.

Во втором параграфе «Модели субъективации в восточной монашеской практике» анализируются восточнохристианская монашеская традиция, в рамках которой сформировались три модели субъективации: анахоретская, киновийная и идиоритмическая. Анахоретская модель имеет глубокую связь с наследием античной философии, в частности с аскетическими практиками пифагореизма, стоицизма, неоплатонизма и элементами учения терапевтов, но сами духовные упражнения и понимание заботы о себе в анахоретских практиках значительно изменились. Если античные практики концентрировались на тренировке разума или тела, а также на совершенствовании души, то у анахоретов она стала инструментом полного пересоздания личности. Субъективация здесь происходит через отказ от собственной воли, стирание своего мирского "Я" и полный контроль над собственным телом, которое превращается из источника желаний в послушный инструмент духа. Ее недолгое существование, с I по IV в., связано с правилами Василия Великого и Пахомия Великого, которые предостерегали от рисков и эгоизма одинокой жизни, в силу чего анахоретская модель будет вытеснена киновией, которая лучше реализует идею действия Святого Духа в общности жизни.

Кинови́йная модель субъективации появилась с тем, как утвердились правила Василия Великого в IV веке и просуществовала почти неизменно до XIV в. Данная модель имеет много сходств с бенедиктской моделью в вопросах послушания, молчания и смирения, но здесь в особой форме воплощаются обеты бедности и целомудрия; иначе выглядит наставничество как значимый элемент управления всей монашеской общиной; иную форму имеют техники покаяния. Субъективация также была нацелена на спасение души, противлению Злу, сближению с Богом и на соблюдение норм христианской жизни. Модель предполагает, что кинови́йный монах совершенствует свою душу, не игнорируя при этом интеллект, но должен забросить тело. Важнейшим отличием данной модели является постепенное превращение субъективации в десубъективацию, поскольку достижение новых форм совершенства проходит через отказ от своего «Я». Субъектность здесь определяется не тем, что у человека есть, а тем, чем он является внутри киновии, а значит необходим отказ от личных вещей, от собственного суждения, от собственного тела. В итоге, кинови́йная модель субъективации превращает человека в «пустое место», заполненное божественным законом и уставом, а высшая форма дисциплинарной субъективации, где свобода обретается через добровольное рабство ради достижения метафизической цели, условно совпадает с десубъективацией.

Более поздняя идиоритмическая модель субъективации является уникальной в разрезе всех христианских практик, объединяя в себе жесткую дисциплину киновии и радикальное одиночество анахорета. Идиоритм предполагал монашескую жизнь, в которой каждый себе может определять ритм аскезы, а интеллектуальный уровень монахов-идиоритмов значительно выше, чем у кинови́йных, что является в какой-то степени продолжением традиций философских школ античной Греции. Хронологически идиоритмическая модель субъективации находится во временном отрезке с начала XIV в. и существует до сих пор. Субъективация в этой модели направлена на спасение души, противление Злу, сближение с Богом и на соблюдение норм христианской жизни. Модель предполагает, что монах-идиоритмик совершенствует свою душу, сознание и тело в той степени, в которой сам считает необходимым, т.е. может сам выставлять приоритет в своей субъективации. Предполагается, что забота о себе возможна как в одиночестве, так и в группе монахов, но традиция наставничества и институциональная иерархия значительно преобразованы. Иными словами, идиоритмическая модель не подавляет личность жесткими уставными правилами, а субъектность формируется через поиск собственного ритма преображения. Это стало возможным благодаря замене послушания саморегуляцией, а власть игумена не распространялась на келью, быт и личное время монаха. Идиоритмическая модель конституирует личность через дистанцию, т.е. это реализация коллективного индивидуализма, где близость с другими не переходит в поглощение личностью коллективом. Здесь

реализуется право на «не-совпадение» с общим ритмом, что делает личность более независимой, чем в двух других моделях.

Четвертая глава «Концепция субъекта в эпоху Нового Времени» состоит из 3 параграфов.

В первом параграфе «Концепции субъекта и субъективации в философии Возрождения» анализу подвергаются некоторые философы периода Ренессанса и Реформации, чьи работы дают основание полагать наличие в этом периоде гуманистическо-христианской модели субъективации. Ренессанс вместе с Реформацией предопределили закат концепции субъективации, выдвигая на авансцену индивидуализм набирающего силу светского мира, а затем индивидуализм личной веры в протестантской трактовке, вытесняя и без того ослабевавшее влияние созерцательных практик внутри монашеских орденов. Во многом, эти практики все еще в значительной степени зависят от церковных правил, монашеских традиций и теологизированности философии. Проводя исследование на предмет элементов концепции субъекта и субъективации, этот период развития философии был представлен такими направлениями как гуманизм (Пико Мирандолла), ортодоксальное христианство (Игнатий Лойола) и христианский гуманизм (Эразм Роттердамский). Во многом именно их позиции по поводу природы человека и его возможностей развития предопределили появление этой модели субъективации, обладающей своими особыми свойствами. Так, все представленные авторы вводят градацию степеней становления, отражающую пройденный путь по направлению к совершенству, что объединяет их со средневековыми моделями субъективации. Кроме того, в их работах обнаруживаются, с меньшей или большей долей систематизации, упражнения по духовному развитию, которые они без сомнений черпают у античных философов и пытаются примирять практики языческих мыслителей и христианских богословов вместе со Священным Писанием. Субъективация, вне всякого сомнения, еще присутствует в этой эпохе, и рассмотренные этими авторами идеи связаны с вопросами поиска истинной жизни (Пико), истинной христианской жизни (Эразм), самостоятельного спасения души (Лойола) через различные способы совершенствования. В рамках этой модели забота о себе вновь возвращается к античной установке на строгое разделение души, тела и разума и предполагает не только спасение души, как возможный способ субъективации, но и совершенствование иным образом.

Во втором параграфе «Влияния картезианства и кантианства на формирование концепции субъекта» автор доказывает, что совершенствование с помощью сил человеческого разума, направленных не внутрь своей души, а во внешнюю сферу, стало отличительной чертой Нового времени. В этот период концепция субъективации лишь частично остается в истории развития субъекта познания. Идея возможности познания своей сущности непосредственно (автономность) и концепция врожденных идей подтолкнули развитие философии к концентрации усилий вокруг познания

окружающего мира (гносеоцентризм), а неизменность субстанции и неизменность своего онтологического «Я» (статичность) постепенно приводит к постепенному исчезновению элементов концепции субъективации. В философских системах Декарта и Спинозы элементы субъективации обнаруживаются только в рассуждениях об этике, как вторичной способности после способности познавать.

В целом, на новую концепцию субъекта опираются все картезианцы, к примеру, в учениях наиболее крупных мыслителей Нового времени - Декарта и Спинозы, находящихся в позициях дуализма и монизма соответственно, имеются как сходства, так и отличия, но они не отменяют общей перспективы нового понимания человека как субъекта. С одной стороны, они оба концептуализируют теорию познания и в противовес идее очищения или трансформации души, подчеркивают необходимость совершенствования ума для преодоления своих пороков. С другой стороны, субстанциональному и статичному человеку-субъекту Декарта Спиноза противопоставляет человека-субъекта как модус божественной субстанции, т.е. идея градации совершенства Спинозы предполагает динамическое понимание развития человека как модуса бытия, в то время как субъект у Декарта статичен: *cogito* не имеет степеней. Тем не менее, духовные упражнения в том систематизированном виде, в котором они присутствовали в античности или Средние века отсутствуют у обоих мыслителей, а градация совершенства у Спинозы все равно развивается только внутри развития сознания, но не души или человеческого существования вообще.

Другим важным представителем линии развития концепции субъекта является И. Кант, который осуществил усиление познавательных способностей субъекта. Несмотря на ограничения, накладываемые на человеческую способность познавать, компетенция человека в мире феноменов возросла и человек как субъект стал не просто носителем механизмов мышления, но логическим условием всякого опыта. Кроме того, кантианский субъект продолжает тенденцию отхода от догматической метафизики и ликвидирует возможность и необходимость совершенствоваться автономный субъект через духовные практики, являющиеся признаком концепции субъективации. Если схоластическое воспитание Декарта не позволяло ему до конца избавиться от фигуры Бога и не решало проблему автономии личности окончательно, то для Канта даже Бог становится лишь регулятивной идеей автономного разума человека как субъекта. Утверждая превосходство чистого разума над феноменами, а практического разума над волей, немецкий ученый окончательно завершает оформление статического субъекта. Кант и последующая немецкая классика также находились в регистре господства субъекта, осмысляя этику как преломление автономности человека. Идеи Канта стали завершающей вехой картезианского субъекта, окончательным разрывом с элементами концепции субъективации и характеризовались отказом от метафизики субъекта и утверждением его статичности, автономности и гносеоцентризма.

В третьем параграфе «Теоретико-методологические дискуссии по проблеме субъекта во второй половине XIX века» диссертант подчеркивает, что в середине XIX века формируется кризис концепции субъекта. Под кризисом субъекта понимается процесс деконструкции представлений о человеке как об автономном и статичном субъекте, чьей задачей является познание мира. Среди философских программ XIX века, пересматривавших классическую философию, таких как романтизм, позитивизм, неотомизм, иррационализм, неокантианство и неогегельянство, психоанализ и пр., был ряд мыслителей, которые особенно остро выступали с идеей необходимости преобразования понимания человека и его субъектности: С. Кьеркегор, К. Маркс, Л. Фейербах и Ф. Ницше.

Кьеркегор предлагает проект становления человека, который проходит несколько стадий с помощью «прыжков», что напоминает христианское учение о лестнице совершенства, несвойственное теории субъекта. Критика Кьеркегора направлена на категорию субъекта в том виде, в котором он складывался в рамках Декарт-Кант-Гегель и, поскольку своей целью он ставил возвращение к истинному христианству, то предлагал новое соотношение между человеком и моралью, основанное не на силе рационального разума, а на иррациональной вере. Таким образом, идеи датского мыслителя полностью вписываются в философский и теоретический срез концепции субъективации, а не концепции субъекта.

Позиция Фейербаха по поводу концепции субъекта в рамках антропологического материализма была неоднозначной. Во-первых, он отходит от классического представления о субъекте, и предлагает ограниченную автономность субъекта, где он, будучи носителем рассудка, является субъектом, но при взаимодействии с другими вещами может стать объектом другой вещи. Автономность человека как субъекта не может состояться окончательно, поскольку человек сам объективировал свою сущность и сделал себя предметом этой объективированной сущности, превратившейся в субъект. Во-вторых, его идея Бога как существа, которым человек хотел бы сам стать, больше сближает его с критерием гетерономности в концепции субъективации и порывает с критерием автономности в концепции субъекта. Таким образом, критикуя декартовский и гегелевский подход к человеку как субъекту, Фейербах формулирует концепцию субъекта с ограниченной автономией.

Карл Маркс, в свою очередь, не разрушает просветительскую концепцию субъекта, но значительно ее модифицирует. Как и Кьеркегор, Маркс стремился разработать теорию, в которой человек меняет мир, а не познает и объясняет его, но если первый обратился к психологическому описанию внутренней деятельности, то второй обращается к социально-экономическому описанию внешней деятельности человека. Теория отчуждения стала прямым применением его материалистической критики гегелевского идеализма, преобразовав диалектику духа и идей в диалектику труда и классовой борьбы. Позицию Маркса можно обозначить как

исправление устоявшейся концепции субъекта, предполагавшей отчуждение человека в капиталистическом мире-объекте через критику социальных отношений.

Фридрих Ницше, разрушающий концепцию субъекта, предлагает свою трактовку субъективации — вечное становление человека, но по принципу «здесь и теперь», без обращения к абстрактному образу. В равной степени его не устраивает: наивность Платона с гносеологической концепцией познания и более поздними неоплатоническими трактовками, апеллирующими в культуре себя к идеалу потустороннего бытия; самообман христианства, которое в философии (универсалии, град божий и др.) и на практике (молитвы или обожение) ссылалось на идею трансцендентного Бога; классическая философия, выступающая за разделение мира на чувственный и рациональный, идею и материю.

Таким образом, кризис концепции субъекта вскрыл главные аспекты, присущие картезианской и кантианской идее субъекта. Гносеоцентризм не дал окончательного вопроса об истине и стал размываться под давлением иррационализма и христианского учения как способа нового понимания окружающего мира. В философских учениях вновь всплывают идеи о степенях совершенства и требования духовного роста человека над собой, чтоб подрывало представления о статичности человека как субъекта. Представления о личности человека как автономном субъекте разрушались не только под давлением исторических событий и социальных изменений, но теоретически модернизировались Марксом, Ницше и позднее З. Фрейдом.

Пятая глава «Диалогика концепции субъекта и субъективации в философии XX века» состоит из 3 параграфов.

В первом параграфе «Интерпретации проблемы субъекта в дискурсе экзистенциальной философии» показано как проблему кризиса субъекта в XX веке пытались решить представители экзистенциализма. Экзистенциализм, представленный в данном исследовании М. Хайдеггером, Ж.-П. Сартром и Н. Аббаньяно, стремился к отрицанию субъект-объектной бинарности, пытаясь нащупать новую форму человеческого существования. Во многом опираясь на феноменологический инструментарий и онтологическую аргументацию, эти авторы предлагают свои формы субъектности, резко противопоставленные классической концепции субъекта. Важной чертой экзистенциализма являлась строгое разделение форм существования человека на подлинную и неподлинную, закладывая диалектику форм существования. Значимым вкладом в историю философии со стороны философии существования стало снижение значимости гносеологии и возвышение онтологии. В идеях Хайдеггера и Сартра наблюдается попытка онтологического поворота в сторону бытийственности человека и связанный с этим процесс подлинного или правильного выбора пути человеческого становления (в первом случае через экзистенциалы, во втором - через выбор возможностей). В связи с глубоким погружением человека в онтологический фундамент, безусловно, снимается и всякая

автономность субъекта, провозглашаемая в классической концепции субъекта. Кроме того, дискуссии внутри экзистенциализма поднимают вопросы сосуществования с другими людьми, но рассматривают эту борьбу через призму сопротивления миру: его соблазнам (Мерло-Понти), его способности подменить Бога (Марсель), его способности укрыть человека от подлинного бытия (Хайдеггер), его способностью снять с человека ответственность (Сартр) и т.д.

В рамках данного исследования автор, анализируя подход М. Хайдеггера к переосмыслению проблемы субъектности, концентрируется на его раннем творчестве. Именно в своей фундаментальной онтологии появляется ключевое для него понятие *Dasein* (присутствие) как способ бытия, свойственный человеку, который не является ни субъектом, ни объектом в классическом смысле. Выстраивая каркас своей концепции, Хайдеггер также вводит понятие экзистенциалов - структур человеческого существования, которые, в отличие от категорий, описывающих безличное сущее, схватывают связь человека и бытия. Экзистенциалы (бытие-в-мире, бытие-с-другими, забота, страх, решимость, бытие-к-смерти и др.) сплавляют в себе чувственные, рациональные и волевые компоненты и являются каналами самого *Dasein*, который может реализовывать свои возможности («выбирать себя») или не реализовывать («терять себя»), что задает дихотомию подлинного (нем. *Eigentlich*) и неподлинного (нем. *Uneigentlich*) существования. Хайдеггеровское учение об экзистенциалах, несмотря на его метафизический язык, содержит элементы, сближающие его с концепцией субъективации: отказ от субъект-объектной бинарности, идея о том, что человек есть лишь потенциал и результат усилий над собой, и представление о том, что этическое усилие (выбор себя) является способом преодоления кризиса существования.

С другой стороны, Ж.-П. Сартр сосредоточен на проблемах морали, свободы и отношения человека к Другому, делая акцент на социальном существовании. Сартр разрушает декартовский концепт субъекта, настаивая на единстве сознания и тела и вводит понятие пререклексивного сознания, которое не полагает себя объектом, а погружено в мир. Для этого он вводит фундаментальное различие бытия-в-себе, представляющий собой это инертный мир вещей, обладающих полнотой бытия, и бытия-для-себя - сознательной составляющей, которая постоянно находится в конфликте с собой, никогда не достигая полноты, отражая субъектность человека. Важнейшей категорией, отражающей специфику подхода Сартра к пониманию субъектности, является также бытие-для-других, где встреча с Другим конституирует самосознание и предоставляет две стратегии самопостроения субъекта в себе: утверждение себя через отрицание Другого и подчинение себя Другому. Таким образом, «бытие-для-других», более поздний концепт «праксиса «и «групп борьбы» приближают его к социальному измерению субъективации, а две стратегии взаимодействия с Другим подталкивают к пониманию динамичности субъекта, что

подчеркивает критическое отношение Сартра к концепции субъекта и о внедрении элементов субъективации.

Исходя из указанных особенностей можно сделать вывод, что экзистенциализм в значительной степени развивался в рамках концепции субъективации и порывает связи с классическим пониманием субъекта. В XX веке именно экзистенциальные концепты и теоретико-методологические подходы дадут наиболее серьезные и значимые ответы на кризис концепции субъекта, а также в наибольшей степени отразят в себе аспекты концепции субъективации, которая была известна в историко-философской мысли до Нового времени.

Тем не менее, экзистенциальные учения как Ж.-П. Сартра, так и М. Хайдеггера не раз подвергались критике. К примеру, такие критики как Д. Карр и С. Ламзден, оспаривают хайдеггеровскую интерпретацию предшествующей философии (Канта, Гегеля), утверждая, что его «деструкция» истории метафизики нередко упрощала и искажала сложность предшествующих концепций субъекта, критика Э. Штайн показывает, что хайдеггеровская *Daseinsanalysis* имплицитно использует теологические категории, но при этом коллапсирует обратно в субъективизм, который стремилась преодолеть. В тоже время М. Иммонен и Л. Зейдерваарт исследуют потенциальный синтез между хайдеггерианской мыслью и критической теорией, поскольку не декартовское понимание субъекта способно по-новому обозначить ландшафт его социального существования. С другой стороны, Сартра критикуют в не меньшей степени – наиболее острую (заочную) полемику с ним начинал И. Томпсон, который считает, что французский философ возвращается к субъект-объектной модели, ведь феноменология взгляда Другого и акцент на бытия-для-себя вновь вводят дуализм, что является шагом назад в деле переосмысления субъектности.

Во втором параграфе «Кризис субъекта в работах представителей неомарксизма» анализируются основные точки зрения в дебатах представителей неомарксизма по поводу возможности разрешить кризис субъекта, особенно остро проявляющийся в связи с развитием капитализма в XX веке.

В. Беньямин, предвосхитивший многие идеи школы, фокусируется на критике капитализма через анализ культуры и потребления. Вместо анализа самого производства он предлагает опираться на новые медиа (фотографию, кино), способные, по его мнению, разрушить ауру традиционного искусства и тем самым подорвать культурные основания капитализма, делая самоотчуждение человека видимым. Для него подлинный субъект — это фигура, способная к разрушению иллюзий через искусство и критическое восприятие истории, однако в действительности большая часть людей оказывается неспособна к такому мышлению.

Д. Лукач, как наиболее ранний и признанный теоретик неомарксизма, реактуализирует понятие коллективного субъекта, настаивая на тождестве субъекта и объекта. Подлинным субъектом истории выступает класс как

сверхиндивидуальный субъект. Другой центральной проблемой является овеществление – концепция, которая легла в основу будущих дискуссий о влиянии культуры и производства на природу человека как субъекта и подразумевающая культурный феномен, при котором человеческие отношения принимают форму отношений между вещами. Несмотря на то, что в наиболее поздних работах философ отказывается от идеи тотальности пролетариата и переходит к пониманию субъекта как свободной личности, способной к выбору и несущей за него ответственность, его основной вклад в историко-философское осмысление субъектности заключается в обосновании идеи коллективного субъекта и в подчеркивании диалектики отчуждения, пронизывающей саму ткань человеческой субъектности.

Т. Адорно, развивая идеи Бенямина в более пессимистическом ключе, в своих исследованиях он анализирует механизмы, с помощью которых современная индустрия культуры подавляет субъектность, нивелируя индивидуальное в человеке. Единообразие и системность массовой культуры и потребления, скрытое воздействие на модели поведения людей, механически дифференцированные продукты, порождающие иллюзию выбора и имитирующую субъективный выбор разрушают сформированное веками представление об автономии человека. Исследование «авторитарной личности» и вовсе поставило вопрос не только о необратимости процесса стандартизации субъекта, но и о многообразии типов субъектов, т.е. носителей разных синдромов личности.

Г. Маркузе синтезирует марксизм и фрейдизм, вводя понятия основного и прибавочного подавления. В работе «Эрос и цивилизация» он предлагает рассматривать подавление инстинктов как форму социального контроля. Маркузе утверждает, что в позднекапиталистическом обществе технологическая рациональность полностью подчиняет себе человека, лишая его критического мышления и создавая иллюзию свободы. Человек в такой культуре становится не субъектом, а «одномерной фигурой», чьи желания и потребности полностью сконструированы социальной системой. Единственными носителями подлинной субъектности, по Маркузе, остаются аутсайдеры, стоящие вне системы.

В качестве общего вывода отмечается, что представители неомарксизма, критикуя разрушительное воздействие культуриндустрии и капитализма на автономию субъекта, не смогли предложить действенных практик субъективации. Их вклад ограничился теоретической критикой отчуждения и поиском эмансипаторного потенциала в сфере искусства, в то время как практическая реализация их идей оказалась невозможной. Идея коллективного и наиндивидуального субъекта была их наиболее мощным инструментом формирования представлений о новом типе субъектности за счет преодоления ограниченности индивидуального опыта, однако по их же мнению современная культура стремится к подавлению не отдельного взятого человека, а субъектности как феномена. Таким образом, неомарксизм, осознавая проблему прогрессивного развития феномена отчуждения и в наше

время, так и не смог преодолеть принципиальную неразрешимость отчуждения человека от его субъектности. В этом смысле особенно важны и последние исследования представителей этого направления, таких как Ф. Джеймисон, Ш. Зубофф, Хан Бён-Чхоль, в чьей дискуссии указывают такие проблемы как переход проблемы овеществления человеческих отношений в их инструментализацию, о переходе от культуры развлечения к культуре «настройки» субъекта, а также о формировании поведения личности, вместо контроля его одномерности.

В третьем параграфе «Полемика французских представителей традиции постмодерна о статусе субъекта» воспроизводятся позиции наиболее значимых представителей постмодернистской позиции, среди которых нет единого мнения о возможности преодоления кризиса субъекта, хотя в их понимании человека как субъекта встречаются элементы концепции субъективации. Её представители, реконструируя фундаментальные понятия (Бог, субъект, автор, Я, человек) и применяя радикальные средства («смерть автора», «смерть субъекта», ризома, номад, трансверсальность, рассеивание), стремились открыть новые возможности для развертывания человека-субъекта. Главной чертой всех постмодернистских авторов является идея децентрализации субъекта, понимаемого не как «индивид», а как «дивид» — фрагментированный, разорванный, лишенный целостности человек. Такие авторы как Р. Барт, Ж. Делез и М. Фуко наилучшим образом демонстрируют разнообразие этого философского течения, отражая как радикальный, так и умеренный взгляд на возможность пересмотреть место человека в культуре XX века.

Р. Барт деконструирует концепцию субъекта, используя текстуальную среду его проявления. В его концепции интертекстуальности человеческое «Я» выступает как «камера отзвуков», результат воплощенного множества других текстов и утраченных кодов. Ключевой для Барта является идея «смерти автора», согласно которой классическая фигура Автора превращается в фигуру Скриптора, фигура Критика в роль Семиолога, а Читатель становится центральной фигурой в интертекстуальном пространстве языка. Тем не менее, он не смог представить полноценного учения ни о субъекте, ни о субъективации, поставив любого возможного актора в сильную зависимость от текста.

Ж. Делез, развивая идеи новоевропейской философии, формулирует в работе «Тысяча плато» концепцию номадического субъекта, который сочетается с концепцией субъективации и предполагает в своем анализе отказ от традиционной метафизики, бинарных оппозиций и властных иерархических структур. В номаде утверждается динамичность, гетерономность и этическая направленность в практической деятельности человека (например, Спинозианские идеи радости и печали как степени совершенства и способности человека к жизни), что отражает большую часть признаков субъективации.

М. Фуко в своем творчестве по-разному подходил к пониманию субъектности, от понимания субъекта как результата исторически и культурно детерминированного феномена и результата работы дискурсивной функции языка до подавляемого элемента репрессивной и дисциплинарной властной структуры европейской цивилизации. Однако наиболее плодотворным стал его поздний период, где он обращается к идее субъективации, определяя ее как процесс складывания, конструирования субъекта через этическое усилие над собой. Исследуя античные практики («техники себя»), он выявляет различные формы субъективности (брак, наставничество, отношения в рамках философских школ), которые противостоят метафизическому субъекту Нового времени и могут служить контрмерой современному кризису духовности человека.

В качестве выводов по разделу отмечается, что Ролан Барт, деконструируя классического субъекта через идею «смерти автора», не смог представить полноценного учения ни о субъекте, ни о субъективации. Жиль Делез, напротив, предложил концепцию номадического субъекта, в полной мере сочетающуюся с признаками субъективации (динамичность, этическая направленность, онтологическая укорененность). Мишель Фуко, исследуя античные практики, намеревался воссоздать этическую модель субъективации, применимую к современности, однако его проект не получил систематизированного завершения.

Тем не менее, в конце XX – начале XXI века велась активная полемика вокруг методологического инструментария, используемого представителями этого течения, в том числе и для разрешения кризиса субъекта. Помимо наиболее острой позиции Р. Скрутона и Д. Деннета, указывающих на то, что постмодернистская позиция уничтожает автономного, ответственного и укорененного в традиции субъекта, заменяя его марионеткой идеологии и языковых игр, определенные опасения высказывали и такие авторы как Н. Хомский и К. Хитченс, настаивая на отсутствии эпистемологии или «деревянности» языковых средств, используемых постмодернистами.

В **Заключении** подводятся итоги проведенного исследования, формируются в тезисном виде основные выводы работы и намечаются перспективы предполагаемых дальнейших исследований по проблеме соотношения концепции субъекта и субъективации в истории философии.

Основные положения диссертации представлены в следующих работах:

Монографии:

1) Русаков С.С. Субъект и субъективация в философии экзистенциализма: монография. – Гатчина: Изд-во ГИЭФПТ, 2022. – 225 с.

Статьи в журналах, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора философских наук по специальности «История философии»:

- 2) Русаков С.С. Идеи Ф. Ницше в контексте концепции субъективации / С.С. Русаков // Философская мысль. – 2020. – № 2. – С. 65-72. (0,4 п.л.)
- 3) Русаков С.С. Проблема субъективации в философии киников / С.С. Русаков // Философская мысль. – 2020. – № 8. – С. 60-69. (0,6 п.л.)
- 4) Русаков С.С. Коперниканский поворот И. Канта в контексте концепции субъективации / С.С. Русаков // Философская мысль. – 2021. – № 3. – С. 42-50. (0,5 п.л.)
- 5) Русаков С.С. Концепция субъекта и субъективации в философии Спинозы: прочтение Ж. Делеза / С.С. Русаков // Философская мысль. – 2021. – № 5. – С. 62-71. (0,6 п.л.)
- 6) Русаков С.С. Влияние бергсонизма на концепцию субъекта: длительность, интуиция, память / С.С. Русаков // Вестник Челябинского государственного университета. — 2022. – № 5 (463). – С. 124-131. (0,5 п.л.)
- 7) Русаков С.С. Концепция собранного субъекта Мераба Мамардашвили / С.С. Русаков // Вестник русской христианской гуманитарной академии. – 2022. – Т. 23. – № 2. – С. 108-116. (0,56 п.л.)
- 8) Русаков С.С. Концепция субъекта в неогегельянстве. Случай А. Кожева / С.С. Русаков // Вестник Вятского государственного университета. – 2022. – №3 (145). – С. 38-46. (0,56 п.л.)
- 9) Русаков С.С. Трансформация концепции субъекта на рубеже XIX-XX веков: континентальная философия / С.С. Русаков // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2022. – №4. – С. 113-126. (0,88 п.л.)
- 10) Русаков С.С. Практика субъективации в стоической философии Марка Аврелия / С.С. Русаков // Этическая мысль/Ethical Thought – 2022. – Т. 22. – № 2. – С. 62-73. (0,75 п.л.)
- 11) Русаков С.С. Влияние аналитической философии на эволюцию концепции субъекта на рубеже XIX-XX веков / С.С. Русаков // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2023. – № 2. – С. 192-203. (0,75 п.л.)
- 12) Русаков С.С. Проблема формирования концепции субъекта в неокантианстве / С.С. Русаков // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. – 2023. – № 3 (49). – С. 56-61. (0,37 п.л.)
- 13) Русаков С.С. Ранний Хайдеггер и проблема соотношения субъекта и Dasein / С.С. Русаков // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2024. – № 2. – С. 143-151. (0,56 п.л.)
- 14) Русаков С.С. Проблема субъекта в концепции ситуационизма / С.С. Русаков // Вестник Гуманитарного университета. – 2024. – Т 12. – № 3. – С. 99-105. (0,4 п.л.)
- 15) Русаков С.С. Проблема становления концепции субъекта в философии Гегеля / С.С. Русаков, О.А. Туфанов // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2025. – № 1. – С. 93-102. (0,6 п.л./ 0,4 п.л.)

16) Русаков С.С. Немецкий романтизм и проблема субъекта / С.С. Русаков // *Философия и общество*. – 2025. – № 2 (115). – С. 83-94. (0,75 п.л.).

17) Русаков С.С. Влияние фрейдизма на становление концепции субъекта на рубеже XIX–XX веков / С.С. Русаков // *Вестник Гуманитарного университета*. – 2025. – Т. 13. – № 3. – С. 204-211. (0,5 п.л.).

Публикации в других изданиях:

18) Русаков С.С. Христианская модель субъективации в работах М. Фуко / С.С. Русаков // *Философия и культура*. – 2019. – № 10. – С. 58-65. (0,4 п.л.).

19) Русаков С.С. Модель субъективации в философии пифагорейцев / С.С. Русаков // *Философия и культура*. – 2020. – № 10. – С. 50-57. (0,4 п.л.).

20) Русаков С.С. Концепция субъекта в философии Э. Гуссерля / С.С. Русаков // *Философия и культура*. – 2021. – № 4. – С. 35-44. (0,6 п.л.).

21) Русаков С.С. Гражданственность и демократия в рамках греческого воспитания / С.С. Русаков // *Социальное и гуманитарное сотрудничество в ЕАЭС: реалии и перспективы. Молодёжное измерение евразийской интеграции: сборник научных статей XI Евразийского научного форума / Общ научн. ред. М.Ю. Спириной. Часть III. — СПб.: Университет при МПА ЕврАзЭС, 2020. – С. 82-91. (0,6 п.л.).*

22) Русаков С.С. Проблемы политического действия и политической субъективации: прочтение М. Хайдеггера / С.С. Русаков // *Герценовские чтения: Россия–2020. Актуальные вопросы политического знания: Сборник материалов научно-практической конференции 17–18 апреля 2020 года / под общ. ред. Л. А. Гайнутдиновой. — СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2020. – С.82-87. (0,3 п.л.).*

23) Русаков С.С. Проблема субъективации в условиях устойчивого развития / С.С. Русаков // *Современные парадигмы устойчивого развития региональных социально-экономических систем в условиях роста неопределенности внешней среды: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции, г. Гатчина, 21 апреля 2023 г. – Гатчина: Изд-во ГИЭФПТ, 2023. – С. 706-711. (0,3 п.л.).*

24) Русаков С.С. Политическая борьба как проявление политической субъективации: на примере внутривосточной борьбы 1920-1930-х годов // / С.С. Русаков // *Новеллы права, образования, экономики и управления 2023: материалы IX Международной научно-практической конференции, г. Гатчина, 24 ноября 2023 г. – Гатчина: Изд-во ГИЭФПТ, 2024. – Т. 1. – С. 40-44. (0,25 п.л.).*

25) Русаков С.С. Политическая борьба как проявление политической субъективации: на примере внутривосточной борьбы в США 2010-2020-х годов / С.С. Русаков // *Актуальные проблемы науки и техники: Гатчинские чтения 2024. Материалы XI Международной научно-практической конференции, г. Гатчина, 24 мая 2024 года. – Гатчина: Изд-во ГИЭФПТ, 2024. – С. 495-500. (0,3 п.л.).*